

УДК 821.161.1

МОТИВ «СМЕРТИ» В «СТИХОТВОРЕНИЯХ В ПРОЗЕ» И.С. ТУРГЕНЕВА И ЛИ НИ

Сай На

В статье на примере творчества известного китайского писателя Ли Ни (1913–1968) рассматривается вопрос о влиянии И.С. Тургенева на жанр «стихотворений в прозе» в китайской литературе. Автор анализирует один из наиболее репрезентативных мотивов стихотворений в прозе Ли Ни – мотив смерти – и показывает его связь с тургеневскими «Стихотворениями в прозе» и «Записками охотника». У обоих писателей «смерть» оказывается сюжетообразующим и организующими структуру текста началом, проявлением общих законов бытия, а размышления о социальной несправедливости и будущем человечества сопрягаются с философскими раздумьями о жизни и смерти.

Ключевые слова: история русской литературы, история литературных взаимосвязей, тургеневская традиция, стихотворения в прозе, мотив «смерти», творчество Ли Ни.

THE MOTIF OF “DEATH” IN “POEMS IN PROSE” BY I.S. TURGENEV AND LI NI

Sai Na

The article deals with I.S. Turgenev's influence on the genre of “poems in prose” in Chinese literature on the example of creativity of Li Ni (1913-1968). The author analyses one of the most representative motifs in Li Ni's “poems in prose” – motif of death – and shows its connection with Turgenev's “Poems in prose” and “The Hunting Sketches”. Both writers treat the “death” as the plot and organizing text structure beginning, a manifestation of the general laws of life; their reflections on social injustice and human future always connect with a philosophical meditation about life and death.

Keywords: history of Russian literature, history of the literary interconnection, Turgenev's tradition, poems in prose, motif of “death”, Li Ni's works.

Начало XX века в Китае стало временем пробуждения интереса к русской литературе и, в особенности, к творчеству И.С. Тургенева. Это было связано с историческими событиями: революционным «Движением четвертого мая 1919 года», которое ознаменовалось борьбой с интервенцией иностранных государств в Китае и преодолением культурного традиционализма. Китайская интеллигенция обратилась к западной литературе и обнаружила в творчестве И.С. Тургенева близкие ей по духу идеи социального преобразования.

Большую роль в становлении новой китайской прозы в первую половину XX века сыграли «Стихотворения в прозе» И.С. Тургенева. Интерес к этому произведению русского классика возник в 1915 года, когда появились переводы первых четырех тургеневских стихотворений в прозе в журнале «Круг рассказов в Китае». До 1949 г. тургеневские «Стихотворения в прозе» переводятся из года в год и переиздаются, и лишь с началом «культурной революции» этот процесс идет на спад [13, с. 46–47]. Появление большого числа переводов, несомненно, содействовало влиянию этих текстов на китайскую литературу. Среди писателей, для которых тургеневские образы и мотивы стали «своими», следует в первую очередь указать на классика китайской литературы первой половины XX столетия Ли Ни (Го Аньжень; 1909 – 1968). Ли Ни был и переводчиком Тургенева, и новатором, открывшим новые

пути для китайской прозы. Как переводчик Ли Ни все свои силы отдал тургеневским романам – «Дворянскому гнезду» и «Накануне». Хотя он не переводил «Стихотворения в прозе», но их они оказали на его творчество огромное воздействие.

Творчество Ли Ни, к сожалению, неизвестно российским тургеневодам, а оно теснейше связано с тургеневским наследием: изданные им три сборника: «Вечерний дар» (1935), «Песня о соколе» (1936) и «Белые ночи» (1937), навсегда обеспечившие ему место среди классиков китайской литературы, были сборниками стихотворений в прозе. Обращение Ли Ни к «Стихотворениям в прозе» И.С. Тургенева также можно объяснить близостью художественных методов писателей. Движение творческого пути Ли Ни, протекающего в эпоху модернизма в китайской литературе, проходило от романтизма к реализму. В его первом сборнике «Вечерний дар» сильны романтические тенденции, а в двух последующих сборниках отмечается влияние реалистической поэтики. И.С. Тургенев, вошедший в историю русской литературы как один из ярчайших представителей реализма, тем не менее, обратился к жанру стихотворений в прозе, близкому по своей природе жанру романтического фрагмента [6, с.98]. Ли Ни всю жизнь восхищался мастерством Тургенева, его привлекало то, что тургеневские тексты пронизаны «поэзией, светом и чистотой»,

«лиричностью и меланхолией» [3, с. 7]. Последнее было особо близко Ли Ни, признававшегося: «В моих чувствах всегда есть тихая грусть» [5, с. 207].

В связи с тем, что творчество И.С. Тургенева хорошо изучено российскими литературоведами, объектом нашего анализа в большей степени станут стихотворения в прозе Ли Ни. Проблема творческого влияния И.С. Тургенева на Ли Ни только начинает изучаться, и данная работа является одним из эпизодов дальнейшего исследования.

В трех сборниках Ли Ни можно выделить пять ведущих мотивов, общих с тургеневской последней книгой: 1) изложение авторских эстетических принципов; 2) злободневные, общественно-социальные размышления; 3) раздумья о родине и судьбе русского народа; 4) любовь к женщине; 5) ожидание приближающейся смерти. Более подробный мотивный анализ был проведен нами в работе «Тургеневская традиция в творчестве Ли Ни» [8, с. 80–87]. В настоящей статье мы хотели бы обратить особое внимание на последний мотив, так как он теснейшим образом связан и с эстетическими представлениями Ли Ни, и с его взглядами на «старый Китай», и с его собственной биографией.

Ли Ни недаром называют певцом «скорби» и «горя». Минорные интонации в стихотворениях в прозе Ли Ни не художественный прием. Молодым человеком он пережил личную драму. Любимую девушку выдали замуж за другого, он не решился помешать этому, а девушка, несчастная в браке, быстро умерла. После ее смерти Го Аньжень взял в качестве литературного псевдонима ее имя, чтобы оплакивать ее всю оставшуюся жизнь. Воспоминания об этой несчастливой любви имели для самого Ли Ни определенное сходство с любовной трагедией героев «Дворянского гнезда» – Лизы и Лаврецкого. В самоидентификации Ли Ни с Лаврецким, в этой автопроекции таится объяснение, почему китайскому писателю был так дорог именно этот тургеневский роман и почему он трижды переводил роман на китайский язык – в 1928 г., в 1937 г. и в 1955 г. Вместе с тем история юношеской любви Ли Ни объясняет, почему звучащие в его стихотворениях в прозе мотивы «воспоминания о давней любви» и «смерти» так тесно связаны. Это эхо его личных переживаний, но одновременно это и дань тургеневской традиции, в первую очередь «Стихотворениям в прозе», где эти мотивы играют очень важную роль.

В стихотворениях в прозе «Дар китайской

розы» (1932), «Вечерний дар» (1930), «Утрата» (1932) Ли Ни вспоминает рано умершую подругу. Нужно сказать, что исследователями И.С. Тургенева неоднократно подчеркивалась противоречивость концепции любви в творчестве писателя. М.А. Петровский отмечал родство любви и смерти, «некое смертоносное значение» [7, с. 88] любви у Тургенева. Как и в тургеневской «Розе», в «Даре китайской розы» Ли Ни видит в любви двойственность: и источник счастья, и как источник страдания, смерти. Те же мотивы мы находим в стихотворении в прозе, в название которого вынесено имя героини – «Лалишаньда» (1932). Здесь рассказывается история любви девушки-пастушки и сына торговца. Ради любви они покидают свои семьи, ведут бродячую жизнь. Спустя пять лет девушка заболевает и умирает в бескрайнем поле, а вместе с ней исчезает с лица земли и любовь, которую они добивались с таким трудом. В стихотворении «Печальная девушка» (1932) наиболее явственно выражено отчаяние автора: «Я чувствую, что смерть для меня является большим счастьем, я чувствую, что жизнь не имеет смысла» [4, с. 30]. Он даже начинает прославлять смерть, призывать ее многократными повторами, как в стихотворении «Досада» (1930): «Лучше уж умереть. Умерев, можно сразу отрешиться от всего. Как только глаза перестанут видеть, можно сразу отрешиться от всего» [4, с. 64].

Мысли о смерти заставляют Ли Ни, как и Тургенева, задуматься о судьбе всего человечества. Оба писателя обращаются к изображению конца мира, вскрывают царящую в отношениях между людьми безучастность. Особенно это очевидно в стихотворении в прозе «Долгая ночь» (1932), на создание которого, очевидно, вдохновил китайского писателя тургеневский «Конец света». В «Долгой ночи» Ли Ни сожалеет, что люди так равнодушны и бесчувственны друг к другу, все они создали себе собственный внутренний мир и не хотят понимать чужой даже перед лицом смерти: все они «погружены каждый в свою собственную печаль, хотя все они и ощущают в глубине невыносимо тяжелое бремя друг друга, но отказываются говорить об этом, утешить друг друга» [4, с. 41]. И именно в этот момент у Ли Ни, как и у Тургенева возникает страх смерти, после которой «темнота... темнота вечная» [11, с. 134].

У Ли Ни, как и в тургеневских стихотворениях в прозе «Конец света», «Насекомое», «Природа», мотив смерти часто объединен с мо-

тивом сна. Самым характерным с этой точки зрения является «Прерванный сон и разочарование» (1932). В этом тексте «сон» имеет символическую функцию – он в представлении автора символизирует идеальный мир, тогда как реальность, словно тяжелый кусок железа, давит ему на сердце, заставляя испытывать боль и издать вопль отчаяния: «Божественность и чудо не смогут снова появиться перед нами, а наши кровь и слезы оказываются лишь бесполезными для нас жертвами. Лишь во сне мы можем достичь желаемого...» [4, с. 47]. Для Ли Ни реальный мир – главная причина гибели мечты, это пространство безнадежности и смерти.

Если в сборнике «Вечерний дар» – личное, автобиографичное выходило на первый план, если это был «вечер» любви и «вечер» жизни самого автора, то в сборниках «Песня о соколе» и «Белые ночи» Ли Ни от «личной трагедии» переключился «к жестокому миру», его слезы «уже не слезы отдельного человека», а плач «по своей Родине» [12, с. 104], от чистой лирики к лиро-эпике. Основными мотивами здесь становятся город, деревня и революция, а главными героями – крестьяне, рабочие, интеллигенты, задыхающиеся, борющиеся и гибнущие под гнетом социальной несправедливости. В этом также сказывается продолжение традиций Тургенева, который выводил в «Стихотворения в прозе» образы простых людей – укажем на такие, как «Милостыня», «Щи», «Повесить его», «Маша» и т.д. Автор акцентирует внимание на изображении бедности городского пролетариата, упадке и загнивании эксплуатирующего класса. В стихотворении в прозе «Лицо без определенного занятия» (1934), «Ночлежка» (1934), «Шумный рынок» (1934), «Тень» (1936) Ли Ни рассказывает о рабочих, покинувших родину и приехавших в город зарабатывать на жизнь тяжелым физическим трудом: они теряют работу, безжалостно эксплуатируются и угнетаются; в страданиях от невыносимой бедности меняются и их сильные тела. В «Ночлежке» автор рисует положение людей из низших слоев общества в одной городской ночлежке: одну, «похожую на сумасшедшую», «истощенную, будто приведение» [4, с. 116] старуху, которая разыскивает своего сына, приехавшего в город в поисках работы, но пропавшего без вести; и рабочих из городских низов, которые каждый день ждут выдачи зарплаты, но чаще всего произносимая ими в этой мрачной, грязной маленькой ночлежке фраза – это «Завтра! Завтра будет тем

днем, когда выдадут зарплату» [4, с. 119]. Сочувствуя городскому пролетариату, Ли Ни выставляет напоказ недостойные поступки людей из высших слоев городского общества. Например, в «Тени» он рассказывает историю о богатом и влиятельном мужчине, обманывающем и насилующем бедную больную девушку, доводящем ее своим преступлением до самоубийства.

В «Сосновом лесе» (1934) повествование о горестной судьбе крестьянской семьи также сопряжено с мотивом самоубийства. Оказывается, сосновый лес на юге деревни – это место самоубийства для тех, кто не смог заработать себе на жизнь. Когда дед в 52 года заболевает и не может больше работать, он вешается в сосновом лесу. Когда отец в 42 года тоже заболевает, он повторяет судьбу деда. Теперь перед их потомком – юным «Я» – стоит дилемма: «Передо мной лежат два пути: отец и дед указали мне один путь» [4, с. 100]. «Я» находит в себе силы пойти другой дорогой – он едет искать своей судьбы в городе, хотя городская жизнь «старого Китая» не менее тяжелая.

Таким образом, Ли Ни не только описывает умирание «старого Китая», но и предлагает «рецепт» преодоления смерти, который неразрывно связан с рождением нового сознания, духовным раскрепощением человека, с духом сопротивления. Недаром во втором и третьем сборниках Ли Ни появляется новая тема – тема революции. Тут надо обратить внимание на два текста, давшие названия этим книгам: это стихотворения в прозе «Песня о соколе» (1934) и «Белые ночи» (1936). В последнем ночь с былым туманом символизирует канун восстания рабочих, а в первом автор сравнивает молодую героиню, полностью посвятившую себя революции, с высоко взлетевшим соколом. Это произведение восходит к самому известному из тургеневских политических стихотворений в прозе – к «Порогу», героиня которого готова умереть для старого мира, пожертвовать всеми прежними ценностями ради новой жизни – революции.

При этом размышления о социальной несправедливости у Ли Ни оказываются теснейше связаны с философскими раздумьями о жизни и смерти. Обращаясь к гибнущим деревням старого Китая и трагическом положении крестьян, в стихотворении в прозе «Широкие поля» (1934), он представляет саму землю и как рождающее лоно, и как поглощающую человеческую жизнь бездну: «Пахотная земля – одна огромная колыбель, и в то же время – одна древняя могила. Пахотная земля всегда окутана безмолвием... Дед

возделывал эту землю, отец возделывал эту же землю. Бесчисленное множество поколений работало на одних и тех же полях, получая то же вознаграждение» [4, с. 95].

Особый интерес представляет случай, когда то или иное стихотворение в прозе Ли Ни порождено тургеневскими произведениями иных жанров. Китайский литературовед Ли Ли точно подметил, что при чтении Ли Ни постоянно чувствуется тайная связь не только с тургеневскими «Стихотворениями в прозе», но и с «Записками охотника» [2, с. 54]. Недаром известный китайский литературный критик Ван Цзяньчао подчеркивал: «При создании прозаических произведений Ли Ни без сомнения извлек огромную пользу из лирического опыта “Записок охотника”, “Стихотворений в прозе”» [1, с. 129].

Самый наглядный пример – это влияние рассказа Тургенева «Смерть» из «Записок охотника» на стихотворение в прозе Ли Ни «Святой» (1936).

В «Смерти» рассказчик вспоминает о несчастливой судьбе своего друга – Авенира Соколомова, у которого был добрый и мягкий характер, который работал частным учителем, безропотно снося эксцентричные просьбы и насмешки своего нанимателя. Авенир любит стихи и рассказы, у него нежное сердце, его легко может растрогать и даже довести до слез сюжет книги. Он обладает чистой, как у ребенка, душой, все прекрасное вызывает в нем благородное сочувствие. Однако, чтобы заработать на жизнь он присзжаст в дрсевню, где в одиночестве и уединении заболевает чахоткой и, в конечном итоге, умирает. В «Святом» Ли Ни также использует форму воспоминаний, с глубокой симпатией рассказывая о несчастной участи своего друга. Описанный Ли Ни друг, тоже является добрым, бескорыстным сельским учителем. Он живет очень бережливо, а все сэкономленные деньги отдает деревенским детям. Он жадно читает газету, он может быть до слез растроган книгой. Он верит в будущее, ищет свет, обладает чистым, искренним сердцем. Живя рядом с детьми, он способен забывать о

своих несчастьях, переносить одиночество, бедность, туберкулез и презрительные насмешки людей. Но туберкулез неумолимо приводит его к печальному концу.

Близость между двумя текстами – тургеневской «Смертью» и «Святым» Ли Ни – просто поражает: сходны и характеры героев, и их несчастливые судьбы, и литературные приемы, и проникновенный лирический тон. Неслучайно в качестве эпиграфа к своему тексту Ли Ни берет слова из «Смерти» Тургенева: «...но одиночество, но невыносимое рабство учительского звания, невозможность освобождения, но бесконечные осени и зимы, но болезнь неотступная... Бедный, бедный Авенир!» [10, с. 204].

Творчество Ли Ни длилось недолго – с 1928 г. до 1938 г. В дальнейшем он занимался переводами, был редактором и преподавателем. В последние годы жизни он мечтал издать перевод Полного собрания сочинений Тургенева, но события «культурной революции» помешали реализации этого замысла. Возможно, что при других исторических обстоятельствах Ли Ни перевел бы и тургеневские «Стихотворения в прозе». Однако хотя этот план не осуществился, именно Ли Ни, благодаря ориентации на Тургенева, сумел «создать новый, живой стиль», давший, как отмечает китайский литературовед Сунь Жижун, «толчок развитию современным китайским стихотворениям в прозе» [9, с. 64]. Думается не будет преувеличением, если мы скажем, что творчество Ли Ни подготовило почву для новой волны интереса к тургеневским «Стихотворениям в прозе», которая началась в Китае в 1980-е годы и продолжается в наши дни [13, с. 46-47]. Герои Ли Ни, как и герои Тургенева, сталкиваясь со смертью, «перестают воспринимать действительность как ряд эмпирических явлений, а видят в ней, в той или иной степени, проявление общих законов - общекультурных и, шире, законов бытия, частью которых и является смерть» [14, с. 137]. Как и у Тургенева, у Ли Ни мотивы, связанные со смертью, зачастую являются «сюжетообразующими, центральными, организующими структуру произведения в целом» [14, с. 138].

Список литературы

1. Ван Цзяньчао. Художественная эпоха: Тургенев и китайский поэтический роман // Ван Цзяньчао. Дружба китайской и русской литературы – русская и советская литература и новая китайская литература в 20-м веке. Гуйлинь: Ли Цзань, 1999. С. 125-142. (на кит.яз.)
2. Ли Ли. Анализ и обсуждения влияния Тургенева на прозаическую форму Ли Ни // Исследования по зарубежной литературе. 2010. № 1. С. 53-55.(на кит.яз.)
3. Ли Ни. Вступительное слово переводчика // Тургенев И. С. Дворянское гнездо (перевод). –

Шанхай: Культурная жизнь, 1937. С. 1-10. (на кит.яз.)

4. Ли Ни. Избранные сочинения / Под ред. Сю Жучи. Тяньцзинь: Искусство Байхуа, 2004. 293 с. (на кит.яз.)

5. Ли Ни. Переписка Ли Ни с молодым литератором Ин Зи // Воспоминания о Ли Ни. Пекин: Народная литература, 2006. С. 187-207.(на кит.яз.)

6. Максимова Т.М. Назначение жанра стихотворения в прозе // Вестник ИГЭУ. 2010. Вып. 1. С. 98–103.

7. Петровский М. А. Таинственное у Тургенева // Творчество Тургенева: сб. ст. / под. ред. И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 70–97.

8. Сай На. Тургеневская традиция «Стихотворений в прозе» в творчестве Ли Ни // Вестник Московского государственного областного университета. М., 2017. №1. С. 80–87.

9. Сунь Жижун. Ли Ни и его творчество // Вестник Шанхайского педагогического университета. 1985. № 1. С. 64-69. (на кит.яз.)

10. Тургенев И.С. Записки охотника // Тургенев И.С. Полн.собр.соч. и писем: В 30 т. Т. 3. М.: Наука, 1979. 526 с.

11. Тургенев И.С. Повести и рассказы. 1881–1883. Стихотворения в прозе. 1878–1883. Произведения разных годов // Тургенев И.С. Полн.собр.соч. и писем: В 30 т. Т. 10. М.: Наука, 1979. 607 с.

12. У Зуокуй. Ли Ни и его проза // Вестник института образования Сюйчжоу. 2000. №. 1. С. 102-111. (на кит.яз.)

13. Чжу Хунцюн. Столетняя история восприятия «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева в Китае // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 45 – 48.

14. Шиманова Е. Ю. Мотив смерти в прозе И.С. Тургенева: дис... канд. филол. наук. Самара, 2006. 156 с.

Об авторе

Сай На – аспирант кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, sai.na@yandex.ru